

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О МУЖЕ, Ю. Г. БОРИСОВИЧЕ

Г. Н. Борисович (Леонтьева)

Ю

рий Григорьевич Борисович родился 30 мая 1930 года в г. Камень-на-Оби Алтайского края.

Семья

Отец, Борисович Григорий Петрович, 1900 года рождения, по профессии бухгалтер. Участник ВОВ с 1943 по 1945 год. Участвовал в боях за взятие Берлина, награжден орденом Славы, медалями за взятие Варшавы, Кенигсберга, Берлина и др. Последние годы, будучи пенсионером, жил в Сухуми, подрабатывал в различных санаториях Черноморского побережья как квалифицированный специалист для составления итоговых отчетов.

Изобрел таблицы умножения многозначных чисел. Возил таблицы в Москву. Одобрили, но сказали, что теперь уже есть вычислительные машины и что в основу их работы положен именно такой алгоритм. Часть таблиц Г. П. хранится в нашем домашнем архиве. Наш друг, доцент ВТИ (теперь ВГТА) Анатолий Максимович Казбан брал их у нас для использования в своей научной работе. Понравилась. В Сухумской газете была опубликована статья о Г. П. под названием «Вот это хобби!».

Предком Г. П. (дед или прадед?) был польский повстанец, сосланный в Сибирь на вечное поселение, на работу в Зырянском руднике. В церкви этого рудника Г. П. крещён. Первоначально фамилия была Борисевич, превратилась она в Борисович по вине очередного переписчика на этапе.

Мать, Борисович Антонина Васильевна (в девичестве Драчёва), 1907 года рождения, сибирячка. Не смогла получить даже среднего образования, т. к. была из семьи раскулаченных, тем не менее была очень грамотной. Работала, живя в Казани, секретарем-машинисткой в Гидрометбюро. Очень ценили её как работника. Инспекторам по кадрам начальник Гидрометбюро про неё говорил: «Окончила школу в Сибири, но школа сгорела и документы сгорели». Подрабатывала печатанием диссертаций и научных статей сотрудников. Кандидатскую диссертацию Ю. Г. и его первые научные статьи тоже печатала она.

Брат Владимир, 1932 года рождения, окончил сельскохозяйственный институт в Казани, 2 года осваивал целину, кандидат технических наук. Некоторое время Ю. Г. сотрудничал с ним и его коллегами по вопросам об использовании Листа Мёбиуса в шлифовальных лентах.

Юра Борисович с родителями

Сестра Валентина, 1937 года рождения. Окончила финансово-экономический институт в Казани, по распределению вернулась в родные пенаты, в г. Анжеро-Судженск Кемеровской области. Работала до пенсии плановиком-экономистом при шахтах. Характер у Вали уже в школьные годы был боевой, задиристый. Смеялись иногда, что Вальча — единственный среди детей Борисовичей настоящий мальчишка. За свою «борьбу за справедливость» в 9-м классе чуть не исключена была из комсомола. Ограничилось, к счастью, строгим выговором.

Р.С. Валя с подругой запугивали по телефону учительницу французского языка за несправедливые двойки, хотя преподавала она в других классах, но ребята из этих классов очень на неё обижались, жаловались.

Так как прошлое родителей Ю. Г. было по тем временам «осуждаемым», то родители ничего о нём своим детям не говорили, а дети не любопытствовали. За время совместной жизни с Ю. Г. в их квартире я ни разу не видела, чтоб они с кем-нибудь переписывались, чтобы кто-то ходил к ним в гости или они к кому-то ходили.

В отличие от Ю. Г. у меня было в Казани очень много родственников (тётушки, родные и двоюродные сестры и братья и т. д.), которые привыкли к вниманию, к соответствующим поздравлениям и, главное, к посещениям. Последнее было особенно сложным, т. к. Ю. Г. против этого всегда протестовал, жаль ему было тратить драгоценное время. В конечном счете, как правило, уступал. Я, заплаканная от уговоров, он нахмуренный, приходили. Я старалась улыбаться, а Ю. Г. так и сидел надутый. Все вокруг него ходили: Юрочка, Юрочка...

Школьные годы (1938–1948)

Десятиклассник Юра Борисович у реки Яя

После двукратных переездов (Камень-на-Оби — Киселевск — Кемерово) семья осела надолго в г. Кемерово. Здесь, в школе № 1, учился Ю. Г. с 1-го по 10-й класс, окончил школу с золотой медалью, был награждён Почётной грамотой ЦК ВЛКСМ. С детства мечтал стать лётчиком. Однако мечте этой осуществиться не привелось. После перенесённой в 4-м классе скарлатины осталось очень серьёзное осложнение на сердце. С мечтой о лётном будущем пришлось расстаться. Но небо к себе тянуло! Альтернативой стала астрономия. И как всегда, и до и после, всё на полный серьёз.

Шла война. Голодно. Выручал небольшой огород при доме. Вместе с отцом подрабатывали немного с помощью фотоаппарата. Ходили иногда с фотоаппаратом по сёлам. На выделенные ему деньги покупал Юра книги по астрономии. С 1943 по 1945 год отец на фронте. Трудности нарастали. И всё-таки умудрялся Юра иногда выделить свою пайку хлеба и обменять её на Кемеровской толкучке на интересующие его книги по астрономии и математике. Он понял, что для серьёзного изучения астрономии надо и высшей математикой хорошо владеть. Так были приобретены книги:

Фламаринон «Популярная астрономия»;

С. П. Глазенап «Друзьям и любителям астрономии» (18.06.43);

Я. Стремгрен и Б. Стремгрен «Астрономия» 576 страниц большого формата (12.04.44);

М. Ф. Субботин «Курс небесной механики»;

Н. Н. Лузин «Математический анализ»;

И. И. Привалов «Введение в теорию функций комплексного переменного» (15.04.47) и др.

Пытался выписывать интересующие его книги по почте (сохранились открытки с ответами). Изучал математические книги в Областной библиотеке. Изготовил самодельный телескоп, в 8-м классе написал и отправил на конкурс трактат «Вращение Галактической системы». Звёздное небо Ю. Г. изучил досконально, знал все созвездия, планеты со спутниками, туманности. Принял твёрдое решение стать астрономом.

Очень хочется сказать о друзьях школьных лет Ю. Г. Самыми близкими друзьями были Сёма Винокур, Лёня Сандлер, Адам Воронов. Всё это были серьёзные, любознательные, целеустремлённые ребята. После окончания школы все разъехались на учёбу в разные города. С Лёней и Адамом случались приятные эпизодические встречи (Новосибирск, Воронеж). Дружба с Сёмой Винокуром и его семьёй стала пожизненной.

О близком друге Сёме Винокуре

Сёма окончил Ленинградский кораблестроительный институт, был распределён в Севастополь в КБ «Черноморец» на должность инженера-конструктора. Здесь он и проработал до конца жизни.

Будучи прекрасным специалистом в своём деле, он был и спортсменом по парусным яхтам. В 1971 году стал чемпионом СССР в гонке крейсерских яхт. С 1978 года — судья всесоюзной категории по яхтам. Семён очень любил море. В Севастопольской газете печатались иногда его стихи на морскую тематику. Неординарным человеком была и его жена Лиля. На обложке журнала «Вожатый» за 1956 год во весь формат помещена её цветная фотография. Она была пионервожатым в самом лучшем смысле этого слова. Ребята её обожали. Она облазила с детьми весь Крым, знала все его уголки, прекрасно знала историю Крыма, в том числе и времён

На Черном море. Слева направо: О. Ю. Борисович, Г. Н. Борисович, Т. С. Винокур, С. А. Винокур, Ю. Г. Борисович

ВОВ. По ходатайству Лили моряки подарили её пионерам списанный настоящий корабль. Дети «проходили» на нём морскую службу. Мы с Ю. Г. всё это наблюдали. Когда наш приезд совпал с днем Военно-морского флота, Лиля обеспечила нас билетами на лучшие места, откуда мы лицезрели все красоты этого праздника. С годами Лиля стала завучем по воспитательной работе, затем создала во Дворце пионеров «Музей пионерии», стала его директором. Жили Винокуры в 10 минутах ходьбы от исторического места Херсонеса. Там мы и купались, и лазали по развалинам этого древнегреческого города. Лиля всегда была для нас наилучшим экскурсоводом. На её примере оправдывается пословица «Не место красит человека, а человек место». Должности небольшие, а результаты значительные. Мы часто гостили у Винокуров в Севастополе. Иногда и они приезжали к нам. Однажды вместе отдыхали на Веневитиново, в спортлагере ВГУ.

Символично, что Юра и Сёма умерли почти одновременно, 16-го и 24-го июля 2007 года, не узнав о смерти друг друга. В конце июня Сёма сообщил по телефону, что в июле приедет к нам повидаться. Но его пригласили на июль в Одессу судьей на соревнования «Кубок Черного моря». Встречу отложили на сентябрь. В Одессе случился инсульт, много дней без сознания, за это время ушёл из жизни Ю. Г., а 24-го не стало и Сёмы.

Р.С. Сёма был настоящим другом, всегда готовым прийти на помощь. Узнав о Юриных проблемах, связанных с болезнью ног, он по своей инициативе закупил в Севастополе нужные для лечения мази (в Воронеже таких тогда не было) и решил выслать их бандеролью. На почте бандероль не взяли, сославшись на то, что украинская таможня бандероли с лекарствами не пропускает. Тогда Сёма с оказией отправил эти мази в Москву, а из Москвы мы уже получили бандероль от незнакомого нам человека и только из вложенной записки узнали подробности.

Студенческие годы в Казани (1948–1953)

Решив стать астрономом, Ю. Г. выбрал для дальнейшей учебы Казанский университет, который славился астрономической обсерваторией мирового значения (АОЭ — астрономическая обсерватория им. Энгельгарда) и где была, в частности, специализация по небесной механике, что Ю. Г. особенно привлекало. Итак, выбор был сделан: КГУ, физмат, отделение астрономии. Приняли без экзаменов. Медалистов в те годы было мало, строгий был отбор. Нельзя было получить никакую медаль, имея четвёрку по русскому языку, что, кстати, было и в моём случае. Имея в аттестате всего лишь одну четвёрку и именно по русскому языку, я не удостоилась никакой медали. Вместе с Юрочкой (так его звали в семье) переехал в Казань и его отец. Сняли комнату в частном доме, отец устроился на работу бухгалтером в ГИДУВ (Институт усовершенствования врачей), вскоре получил жилье в виде одной большой комнаты, одной третьей части помещения бывшей прачечной при гинекологической больнице, находящейся во дворе. Жильё, конечно, без удобств и очень сырое. Но и тому были рады. Теперь все оставшиеся члены семьи (жена и ещё двое детей) переехали в Казань.

Началась студенческая жизнь Ю. Г. Мы оказались в одной группе (астрономической). Юра был назначен старостой и в этом качестве оказался, как говорят, не подарком. Послевоенные годы много лет оставались трудными: талоны, карточки... Тетради в магазинах не купить, выдавали их на всю группу в профкоме, староста должен был выстоять там очередь. Мы под Юриным «руководством» получали их всегда последними. Жаль ему было тратить время на стояние в очереди. Нам он шутя объяснял, что очередь — это переменная величина, прилавок — предел. Переменная величина стремится к пределу, но не всегда его достигает. Что-то в этом роде. Мы, конечно, роптали. Зато на занятиях по математике Юра всех нас опережал. Пока мы вдумывались в условие, он выдавал решение. В результате математики его заприметили, да и обнаружил он «слабость» небесной механики на астрономическом отделении. Со 2-го семестра перешёл он в группу математиков. Учился на одни пятёрки, на 3-м курсе получал стипендию им. Чеботарёва (крупный Казанский алгебраист), потом стал Молотовским стипендиатом (вторая по значению стипендия после Сталинской). Для получения Сталинской стипендии надо было вести общественную работу на общеуниверситетском уровне. Для более узкой специализации Ю. Г. выбрал кафедру математического анализа, которой заведовал крупный математик профессор Борис Михайлович Гагаев.

Дружба, любовь, женитьба

Нашему сближению способствовала моя дружба со студенткой математической группы Ирой Адамушко. Вместе с Ирой мы занимались в хореографическом кружке, все 5 лет танцевали в художественной самостоятельности факультетского и университетского масштаба. Сдружились. После аудиторных лекций сидели в читальном зале за одним столом, готовились к очередным занятиям, семинарам. У Иры с Юрой были хорошие отношения, потому он часто подсаживался к нам. Потихоньку беседовали, что-то обсуждали. Так и подружились все трое. И эта дружба осталась на всю жизнь.

Друзья со студенческих лет. Слева направо: Г. Н. Борисович, Ю. Г. Борисович, И. И. Адамушко

Хочется сказать немного об Ире Адамушко. Человек она с очень трудной судьбой. Её родители, оба с высшим математическим образованием, абсолютно преданные советской власти, были репрессированы в 1937 году. Отец расстрелян в этом же году, а мать осуждена на 10 лет, которые она отбыла в колонии где-то на Севере. Дети, Ира семи лет и брат Андрей пяти лет, были сданы в детдом. Через какое-то время их забрала из детдома сестра матери, тётя Маруся, учительница начальных классов, жившая сама в очень трудных условиях с дочерью и внучкой в одной комнате коридорного типа. Маме Иры после отбытия срока не разрешили жить в Казани. Жила она в райцентре Зеленодольске, работала простой рабочей на фанерной фабрике. Озлобления не было. Занималась с рабочими физкультурой, помогала многим в овладении грамотой. После реабилитации не захотела расставаться со своими друзьями рабочими, отказалась переехать к Ире в Казань. Приехала только умирать. Ира — умница. Окончила 10-й класс с серебряной медалью, с разносторонними интересами. Но жизненные трудности отложили, конечно, отпечаток на её характер, немного резкий, очень требовательный и к себе, и к людям, хотя по сути очень добрый и отзывчивый, и очень деятельный. До сих пор ведёт она в Доме учёных кружок любителей книги, занимается физкультурой с бабульками (так она говорит), сама посещает более продвинутую физкультурную группу. Много путешествует. Хотя семью ей создать не удалось, но у неё есть много друзей из её бывших учеников (9 лет работы в школе) и студентов (более 20 лет в вузе). Я считаю за честь, что она удостоила и нас своей дружбой. Мы часто общаемся с Ирой: письма, телефон, поездки в гости.

Когда мы с Ю. Г. приезжали в Казань (а это было почти ежегодно), Ира организовывала у себя дома встречу с нами наших однокурсников, и математиков, и астрономов, иногда и механиков «прихватывала». Спасибо Ире! Наступил Новый 1951 год. Для физмата был организован новогодний бал в Доме учёных. Ю. Г. весь вечер танцевал со мной, по окончании вечера пошёл провожать меня домой. Наша дружба крепла. По воспоминаниям Ю. Г. окончательно я его «обворожила» на дне рождения Люды Бахтиной, одногруппницы Юры и Иры. Меня тогда сразу с ходу приставили к печурке для «шефства» над пирожками.

*Однажды, в зимний день холодный,
Когда собрались в круг друзья —
Всегда голодные студенты —
И в этот круг вдруг ты вошла!
В печи дрова тепло трещали,
Ты смущена была слегка,
В цветастом фартуке, алея,
К печурке сразу подошла.*

*И я поймал твой добрый взгляд
Тех глаз больших, серо-зелёных,
Отбросил прошлое назад,
Вписав себя в ряды влюблённых.*

*И я решил — моя подруга!
На жизнь, на счастье, на дела!*

.....
(Ю. Г. 21.02.1985 г.; 30.05.2004 г.)

С тех пор мы стали почти неразлучными. Юра встречал меня утром перед занятиями, провожал после занятий, сидел на всех общих лекциях рядом со мной, подкармливал меня бутербродами с колбасой, сидя на подоконнике перед читальным залом. Мама его работала в Гидрометбюро, расположенном на территории Казанского кремля. Рядом находилось какое-то правительственное учреждение, в буфете которого им милостиво продавали немного дефицитной тогда колбасы. Уговорить Ю. Г., чтоб он сам съел хотя бы половину бутерброда, было невозможно. На 4-м курсе Юра подарил мне ко дню рождения часы. Это был по тем временам королевский подарок. Часы были у очень немногих студентов. У самого Юры их не было. Деньги на часы он копил весь семестр, откладывая понемногу от стипендии. Основную часть стипендии мы, конечно, отдавали родителям.

P.S. История с часами. Однажды в АОЭ по дороге с Дальнего озера часы были потеряны. Хватились только в АОЭ. А шли с озера не по дороге, а напрямик, лесом. Найти часы — призрачная надежда! И все-таки пошли искать всем коллективом, растянувшись в цепочки. И нашли! Потому что это был подарок Юры!!!

Городская астрономическая обсерватория (астрономичка!) находилась во дворе университета, в саду. Здесь мы проводили всякие несложные измерения, слушали спецкурсы, сдавали экзамены. Юра почти всегда был рядом, ждал моего выхода с экзамена, помогал в измерениях. И стихи наготове.

Гальке, в тот же час после сдачи астрофизики

*Сколько раз хожу я мимо,
Сколько раз слежу глазами,
Вот мелькнет твой образ милый
Меж зелеными ветвями.*

*Выйду я к тебе навстречу,
По твоим глазам узнаю,
Как приветлив сад с тобою,
Весь горя сияньем мая.*

Летом, после 3-го курса мы — астрономы — проходили производственную практику в АОЭ. Юра очень часто приезжал к нам. Уезжать ему всегда очень не хотелось.

*Прощай, обсерватория!
Прощай и ты, мой милый друг, прощай!
Летят к тебе мои мечты,
К тебе, ты это знай!*

*Ночная станция, перрон, и поезд на пути.
И темный лес, и огонёк мелькнул вдали.
Вот между нами встала ночь, и боль в груди,
Захочешь если мне помочь, приди и обними!*

***Практиканты ОАЭ. Вторая слева Г. Н. Леонтьева,
четвертый слева Ю. Г. Борисович***

Уже на 3-м курсе Ю. Г. уговаривал меня, чтоб мы поженились. Но моя мама сказала: «Пока не закончите университет, никаких свадеб». Мы были дети послушные, согласились ждать. Регистрация и свадьба были 21 января 1953 года. Поженились пораньше, чтоб не распределили нас в разные города. Так бы оно и было. Мне предложили ГАИШ (Государственный астрономический институт им. Штернберга) при МГУ, Ю. Г. оставляли в аспирантуре КГУ. Он просился в Москву, места были. Но математики и начальство КГУ (тоже математическое) твердо заявили: «Борисович нужен для Казанского университета». Тогда я отказалась от своего назначения и осталась в Казани, получив работу в школе. В скором времени доц. Ш. Т. Хабибуллин (один из руководителей

моей дипломной работы) предложил мне перейти на работу в АОЭ со 100 % гарантией быстрой защиты мной кандидатской диссертации. Но я уже ждала ребёнка, а в АОЭ надо было ездить далеко, на поезде. Я отказалась.

P.S. На нашей с Ю. Г. свадьбе студенческой танцевали под струнный оркестр семьи Борисовичей. Играли на гитарах и балалайках. Все Борисовичи музыкальные.

Годы аспирантуры Ю. Г. (1953–1955)

На другой же день после свадьбы я переселилась из нашей съёмной комнатки в частной квартире в «хоромы» Борисовичей. По случаю моего переезда одну большую комнату разделили фанерными перегородками на три части. Один из отсеков предоставили нам с Ю. Г. Это была крохотная комнатка, в которой умещались только кровать, небольшой, сколоченный из чего-то «письменный стол» и с рождением Оли 29 сентября 1953 года детская кроватка. В остальной части квартиры проживали ещё 6 человек: семья Борисовичей (родители и двое младших детей) и две бабушки, моя мама и няня Лена, мачеха моей мамы (пришлось пригласить её для ухода за Олей, т. к. обе мамы ещё работали). Вся мебель состояла только из больничных коек и тумбочек, зато было много цветов и струнных музыкальных инструментов. Ю. Г. сразу заявил, что питаться будем отдельно. Это было мудрое решение. За 2,5 года совместного проживания мы ни разу не поссорились. Жили очень дружно. Простую пищу готовили и ели отдельно, а вкусным угощали друг друга. Из своих скромных доходов мы ежемесячно отдавали родителям Ю. Г. 100 рублей, вносили свою долю и в счет квартплаты и на дрова. Питались очень скромно, но чувствовали себя счастливыми. Равовались покупке книг. За подписными изданиями занимали очередь с вечера. Оленька родилась семимесячной, долго плохо спала по ночам, спутала день с ночью. Три бабушки всю ночь по очереди носили её на руках, чтобы дать возможность остальным членам семьи нормально выспаться. Особенно заботились о Юре, учитывая его слабое здоровье и серьёзную научную работу. Оберегали его от всех забот, хлопот. Стоило мне, например, попросить его сходить за хлебом, как из-за перегородки раздавались голоса родителей: «Валька, сходи за хлебом» или «Вовка, сходи за хлебом». Один раз, помню, попросила мужа прибить штору к двери. Тут же прибежал папа. «Галюшка, молоточек не для Юрушкиных рук. Давай я прибью штору». Любили нас родители обоих. Так и называли: Юрушка и Галюшка. Ю. Г. был очень упрямым человеком, как в главном, так и по мелочам. Припоминаю забавный случай. Мальчишки как-то крикнули нам вслед: «Пат и паташонок». Я была тогда очень худой и разница в росте, конечно, бросалась в глаза. Я попросила Ю. Г., чтоб он не брал меня под руку, а просто шёл рядом. Он запротестовал. Сказал, что иначе не сдвинется с места. Остановились мы на углу Ленинского сада, кварталах в трёх от дома. «Ну и стой», — сказала я и пошла вперёд, будучи уверенной, что он идёт следом. Не тут-то было! Прихожу домой одна. Отец спрашивает: «Где Юрушка?». Отвечаю: «Сейчас придет». Ждём, пождём, Юрушки нет. Пришлось рассказать, в чём дело. Отец оделся, пошёл к углу Ле-

Начало семейного счастья Ю. Г. и Г. Н. Борисовичей

нинского сада. Юра заявил ему, что не сдвинется с места, пока Галя за ним не придет. После долгих уговоров согласился на компромисс: встретиться на полпути. Полдороги пройдет он, а полдороги навстречу ему я. Так и сделали. Ранней осенью или поздней весной при нашей прогулке по улице если задул вдруг прохладный ветер, Ю. Г. снимал свой пиджак и накидывал его на меня. Я сопротивлялась, утверждая, что ему пиджак нужнее. Уговоры не помогали. Кончалось опять компромиссом: какое-то время пиджак был на мне, потом такое же время на нём. Главным, конечно, была работа, моя — в школе, Юры — в науке, и выхаживание нашей дочки Оленьки. Занимался Ю. Г. в основном в читальном зале. Ещё в студенческие годы на последних курсах Ю. Г. заинтересовался работами М. А. Красносельского, опубликованными в журналах и связанными с топологией и функциональным анализом. По просьбе Ю. Г. и ряда других студентов из группы специализации проф. Б. М. Гагаев прочитал им хороший современный курс функционального анализа и топологии. Сам Б. М. в научном плане топологией не занимался. И вообще, никто из математиков КГУ не занимался топологией. Ю. Г. сам поставил себе задачу и сам её решил, без руководителя. Организация защиты была, конечно, делом Б. М. Гагаева. Уже на первом году аспирантуры произошла встреча Ю. Г. с М. А. Красносельским в Казани. Беседовали. М. А. тематику одобрил, пригласил Ю. Г. выступить на семинаре в Воронеже, что Ю. Г. и сделал в начале 1955 года. Результаты, полученные к тому времени, М. А. счёл достаточными для защиты диссертации. Оформляйте, защищайтесь и приезжайте на работу к нам в Воронеж. Мы сделаем заявку в Министерство. Учитывая благоприятную для его тематики математическую обстановку в Воронеже, Ю. Г. с удовольствием принял предложение М. А. В июне 1955 года состоялась защита в Совете КГУ. Прошла успешно.

Казанская «коммуналка» провожает молодых Борисовичей (впереди в центре) в Воронеж

На горизонте Воронеж. Ректором КГУ был тогда Михаил Тихонович Нужин, математик и механик, проректором по науке — мой научный руководитель Ш. Т. Хабибуллин. М. Т. уговаривал Ю. Г. остаться для работы в КГУ, обещал комнату в общежитии. Ю. Г. своего решения не изменил. М. Т. даже сказал ему какую-то обидную грубость (не хочу её здесь приводить, хотя и помню). О М. Т. и его деканстве в годы нашей учебы мы всегда вспоминали с чувством благодарности. Ректором КГУ он был потом 25 лет. В честь 200-летия КГУ ему был воздвигнут памятник напротив здания университета. Мы с Ю. Г. присутствовали на открытии этого памятника.

В августе 1955 года мы должны были прибыть в Воронеж, но дело осложнилось из-за очень серьёзной болезни Ю. Г. Незадолго до защиты он заболел ангиной, но выдержать домашний режим не мог, т. к. нужно было оформлять всякие бумаги. В результате — декомпенсация его сердечных пороков. Предписание врачей: лежать и только лежать. На защиту отвезли Ю. Г. на такси. Но он, несмотря на сильную слабость, обливаясь потом, сражался со своими оппонентами. Один из них, не будучи топологом, действительно что-то недопонял. После защиты, не дождавшись голосования, Ю. Г. отвезли домой, а я осталась ждать результата. Было все единогласно. Никаких банкетов мы не устраивали. Второй защитившийся Раис Бухараев устроил у себя дома банкет. Рассказывал он нам потом, что очень авторитетный член Совета расхваливал защиту Борисовича. Это, говорил он, была настоящая защита, не то, что у многих других: «со всем согласен, за всё благодарю». Тем не менее болезнь набирала обороты. Приказ врачей — только лежать. При очередном визите лечащий врач на выходе сказала мне потихоньку: «Ни в коем случае не заводите второго ребенка. Ваш муж с таким сердцем долго не проживет». Август был на носу. Что делать: ехать или не ехать? Верх взяло снова упрямство моего мужа. Он сказал: «Поехали!». Родственники помогли собрать вещи для отправки контейнером, нас на такси доставили до вокзала и водрузили в вагон. Олю оставили пока в Казани с бабушками до выхода моей мамы на пенсию через полгода. Тогда моя мама и Оленька приехали к нам в Воронеж. В Воронеже Ю. Г. был сначала очень слаб, температурил. Но потихоньку при моей поддержке сделали мы все нужные визиты к начальству. Поселили нас в общежитии № 2. Шёл 1955 год, 10 лет после окончания ВОВ, а город был ещё весь в руинах. На ул. 11 мая (сейчас Театральная) университетский дом № 19 был единственным домом, восстановленным из руин пленными немцами. Перед общежитием № 2 тоже развалины, проходить мимо них поздно вечером было страшно, ютились там бродяги и выпивохи. Поэтому впоследствии, когда я устроилась на работу в вечернюю школу, Ю. Г. встречал меня вечером на остановке трамвая. Судьба к нам была милостива. Необходимые ходьба и движение сделали доброе дело. Постепенно состояние здоровья Ю. Г. стало улучшаться, температура исчезла. Мы победили! Неизвестно, что было бы, если бы Ю. Г. все лежал и лежал. Ведь недаром теперь и инфаркты миокарда лечат не покоем, а движением.

Ю. Г. и Г. Н. Борисовичи в Казани у памятника ректору КГУ М. Т. Нужину

Общежитие № 2. Наша семейная жизнь (1955–1957)

Одна комната на четверых. В соседних комнатах такие же, как и мы, приглашенные специалисты: геолог Соколов Сергей Александрович с женой Натальей Васильевной и дочкой Альвиной; доцент психолог Трусов Павел Николаевич с женой Капитолиной Ивановной. Дружили, обменивались художественной литературой, вместе отмечали праздники. Напротив нашей комнаты — буфет. Буфетчица Клава (Клавдия Николаевна Зубрякова) стала лучшим другом нашей двухлетней дочери Оли. Оля часто сидела у неё за стойкой с игрушками. Когда Оле исполнилось 3 года, решили устроить её в детский сад. Но не тут-то было. Три дня водили её в группу, а забирали домой вечером зареванную. Ничего не ела, просилась домой. На четвертый день Клава сказала, что сама отведет Олю в садик и все будет хорошо. Однако вернулись назад обе в слезах. «Ну вас к...», — сказала Клава. Нечего мучить ребенка. Не хочет Оля ходить в садик. Есть у вас бабушка, вот и пусть Оля сидит с ней дома. На том и порешили. Впоследствии Соколовы уехали в Москву, Альвина стала женой 2-го секретаря Советского посольства в США. Много лет прожила в Вашингтоне, родила там сына. Знакомство Альвины с послом произошло через журнал, посвященный советской женщине или девушке (точного названия не помню). Альвина фигурировала там как типичный представитель советской девушки. В журнале освещались все этапы её жизни (дома, в вузе) с соответствующими иллюстрациями. Во время одного своего приезда в Россию Альвина навестила нас на даче в Графской. Рассказывала о жизни в США. В условиях тогдашнего «железного занавеса» нам всё было очень интересно. Трусовы со временем уехали в Донецк. Во время защиты нашим сыном Андреем кандидатской диссертации в Донецком НИИ прикладной математики и механики Академии наук СССР мы жили с ним в квартире Капитолины Ивановны. Внучка Трусовых — Оля Гурьева (Осинцева) стала со временем студенткой КАТМА, с отличием окончила университет. До сих пор мы дружим семьями. Буфетчица Клавдия Николаевна стала со временем заведующей кафе на ул. Пушкинской, напротив Центрального рынка. В этом кафе она организовала свадьбу её любимицы Оли с Колей Тюкачевым.

Университетский дом № 19 по ул. Театральной

Наконец в 1957 году мы переселились в собственную, хотя и коммунальную квартиру № 43 дома № 19 по ул. Театральной (тогда ул. 11 мая). Подселили нас к семье доц. Льва Павловича Раппопорта вместо уехавшего на родину в Германию немецкого проф. Доппеля (?). Теперь у нас на четверых одна довольно большая комната и ещё крошечная комнатка в 1/2 окна. Зато все удобства в квартире и не на целый коридор комнат, а на две семьи. В маленькой комнате помещалась только одна кровать и кресло, привезённое нами из Казани. Но главное, у Ю. Г. был теперь отдельный кабинет. Роль письменного стола играла откидная доска, прибитая к двери. На этой доске Ю. Г. и писал свою докторскую диссертацию. Когда он сидел в кресле за своим «письменным столом», в комнату войти уже было невозможно. Жили мы с нашими соседями (Л. П. Раппопорт, Мария Павловна Колпачева, дочь Лариса, бабушка Анна Митрофановна) очень дружно. Если готовили что-нибудь вкусное, угощали друг друга. Дети наши Лариса Р. и Оля Б. были почти одногодками, дружили, с пяти лет вместе стали изучать английский язык с приходящей на дом преподавательницей с.-х. института. В одном подъезде с нами жили и Красносельские. Их заботу о нас мы чувствовали с самого первого дня нашего приезда в Воронеж и до самого отъезда их в 1972 году в Москву. Когда у нас возникали какие-нибудь проблемы, в том числе и со здоровьем, они всегда старались помочь. Детей наших лечили Сарра Израйлевна Красносельская и Мария Абрамовна Рутицкая — наши дорогие друзья, врачи.

Семья Красносельских — это замечательная семья. Марк Александрович был фактически единственным кормильцем семьи из 6 человек, и сколько ещё учеников М. А. кормила почти ежедневно Сарра Израйлевна. Жили скромно, не было у них ни машин, ни дачи. Главное богатство — книги. Очень впечатляющим было их отношение к домработнице тёте Оле. Ольга Николаевна была абсолютно равноправным членом их семьи, могла сделать замечание любому из них, в том числе и М. А., и воспринималось это совершенно нормально.

***Друзья детства Оля Борисович и Саша
Красносельский***

Готовность помочь была свойственна не только родителям, но и детям. Особенно запомнились в этом плане поступки Вени Красносельского. Однажды кто-то в нашем подъезде, живущий на верхнем (не ниже 4-го) этаже, захлопнул дверь квартиры, оставив дома ключи. Было лето, окно в кухню, к счастью, было открыто. Из всех присутствовавших во дворе мужчин только Венья (Вениамин Маркович) стал палочкой-выручалочкой. Сначала по пожарной лестнице, потом по карнизу он добрался до окна, влез в квартиру и открыл дверь изнутри. Я очень благодарна Вене и за помощь нашей семье. В какой-то день 1962 года по рекомендации ректората и по выписанному в ВГУ ордеру мы должны были срочно перебраться из 43-й квартиры в одну из квартир, освобождаемых областной библиотекой. Мы были в растерянности. Выручил Венья. Он призвал на помощь лаборанта с кафедры М. А., ещё кого-то (не помню), и дело было сделано. Быстро и качественно. Младший сын Красносельских Саша и наша Оля очень подружились. Вместе играли во дворе. Саша был в детстве озорным, часто, спасаясь от «мстителей», прибегал к нам (мы с 1962 года жили уже в квартире № 4). Мы всегда были ему рады, бабушка Екатерина Евгеньевна (моя мама) кормила его иногда своими вкусными пирожками.

Красносельские на лето обычно снимали дачу в Графской. По инициативе Сарры Израйлевны и с её помощью мы тоже стали снимать дачу в Графской. Там же, на ул. Комсомольской, отдыхали в разные годы семьи и других преподавателей: Дьюиса Даниловича Ивлева, Ивана Александровича Киприянова, А. М. Казбана, Листрова. К нам всегда приезжали родственники из Казани и Сибири с детьми. Все дети дружно общались, совершали прогулки на Дальнее и Ближнее («грязное») озера, на кострах жарили шашлыки, играли в городки и волейбол, ходили по ягоды и грибы. Оля и Саша были в их числе, тоже дружно общались. Иногда, конечно, и ссорились, однажды даже подрались, в результате чего Саша случайно разбил Оле очки. Быстро мирились. Один год Красносельские снимали дачу в Гремячем на Дону, Олю забрали с собой. Алла Красносельская (Дементьева) опекала там и Сашу, и Олю. В 1-й класс и Саша, и Оля пошли одновременно. Сарра Израйлевна попросила учительницу Марию Кузьминичну посадить озорного Сашу за одну парту с Олей. Так и было сделано. Учились вместе сначала в 37-й школе, потом в 58-й, в математическом классе. Очень повезло им с учителем математики. В математических классах 58-й школы (ныне гимназия им. Басова) преподавал тогда математику замечательный Давид Борисович Сморгонский. Впоследствии, вспоминая свои школьные годы, Оля говорила, что Саша всегда был для неё как родной брат. Для дальнейшей учёбы разъехались по разным городам. Саша окончил мехмат МГУ, доктор наук, профессор. Оля окончила матфак ВГУ, работает старшим преподавателем на кафедре высшей математики во ВГТА (Воронежская государственная технологическая академия). Саша живет и работает в Москве.

Первые годы нашего проживания на Театральной ещё в квартире № 43 были очень обогащены дружбой с семьей Василия Ивановича Ведерникова (тогда доцента, вскоре ставшего профессором).

Семья Ведерниковых жила в том же доме № 19, но в другом подъезде. Так же, как и мы, жили они вчетвером в одной комнате коммуналки с доц. А. С. Джанумянцем. Сблизили нас с Ведерниковыми общие корни, исходящие из Казанского университета. Дружили, общались. Ведерниковы снимали дачу в селе Песковатка, находящемся очень далеко (после Графской ещё 2 остановки электричкой, а потом 3-4 км пешком, лесом).

В. И. и Ю. Г. надумали одолеть весь путь от Воронежа до Песковатки на велосипедах. Я боялась за здоровье Ю. Г. Но упрямство его как всегда одержало верх. Поехали! Ю. Г. с его большим сердцем с большим трудом преодолел этот маршрут. Но все-таки преодолел! Вскоре Ведерниковы ради жилья переехали в Горький, а потом в Минск. Друзьями мы остались на всю жизнь.

В 1962 году нам предстояло переехать наконец в отдельную квартиру № 4 в том же доме № 19. Радовались! Но... наш переезд был омрачен трагическим событием. Буквально накануне нашего переезда в ней скорострительно скончался проф. геолог С. Г. Вишняков. Мы были в шоке! Я просила Ю. Г. вообще отказаться от этой квартиры. Проректор В. И. Соболев уговорил Ю. Г. не отказываться. Ю. Г. как всегда в трудных ситуациях принял удар на себя. Семья Вишняковых сразу же переехала в предназначенную им (ради сердечных недугов С. Г.) квартиру на 2-м этаже, а Ю. Г. один с раскладушкой жил в квартире № 4, пока университетский маляр дядя Жора не сделал в ней в срочном порядке косметический ремонт. Тогда мы и переехали всей семьей. Никакого новоселья не справляли. Очень помогли нам в это время в моральном плане наши новые соседи из квартиры № 5 историки Москаленки: Анатолий Евсеевич, Анна Николаевна и их сын Андрей.

Ю. Г. Борисович и В. И. Ведерников на отдыхе

Они окружили нас вниманием, старались больше с нами общаться. У нас не было ни телефона, ни телевизора, ни даже звонка в дверь. Условным стуком по отопительной трубе Москаленки вызывали нас либо к телефону, если звонил кто-то из наших друзей, либо к хорошей передаче по телевизору. А. Е. и Ю. Г. играли на досуге в шахматы. Иногда, идя усталые с работы, А. Е. и А. Н. стучали условным стуком в дверь и вопрошали, нет ли у нас чего-нибудь поесть. У моей мамы всегда что-нибудь было, и она с удовольствием их кормила. Однажды Москаленко, идя с работы, постучали к нам и провозгласили, что сегодня день рождения их сына Андрея, и что хотя его здесь нет (он жил и работал уже в г. Пущино под Москвой, куда его распределили после окончания биофака ВГУ. Теперь и уже давно доктор наук), но мы должны эту дату отметить. Приглашаем вас всех наверх к чаю с тортом. Дома оказались только Г. Н. и Андрей. Сидим на кухне, пьем чай. А. Е. — человек очень эмоциональный, эксцентричный, предавшись воспоминаниям, решил себя покритиковать. «Я, конечно, сумасшедший, я, конечно, ненормальный», — заявил он. Андрюшка, жуя торт, провозгласил: «Это же сразу видно!». Я на него: «Чего ты городишь? Что тебе видно?» Андрюшка, уставившись на меня, удивленно: «Как, мама, неужели ты не замечаешь?» Помолчали. А. Е. говорит: «Ну что ж, устами младенца глаголет истина». А. Н. решила Андрюшку образумить: «Знаешь, Андрюша, каждый человек немного ненормальный. И ты тоже! Для нормального ребенка, когда он учит уроки, ничего не существует, а ты в это время то в окно заглядишься, то ещё на что-то отвлечешься». Андрюшка подумал и спросил: «Но на самом деле оно ведь всё существует?» А. Н.: «На самом деле существует, но для тебя не должно существовать». Андрей снова подумал и изрёк: «Если то, что на самом деле существует, для меня перестанет существовать, вот тогда я и буду ненормальным». Больше спорить с ним не стали. Посмеялись. Дома я все-таки спросила Андрея, почему он так думает об А. Е. «Потому что он очень шумный, громко кричит», — ответил Андрей. Главным и, пожалуй, единственным богатством Москаленок, как почти всех обитателей нашего дома, была библиотека, да ещё уникальная коллекция кукол, которую собрала А. Н. (Демонстрировали её коллекцию даже по центральному телевидению). Большую часть библиотеки составляли альбомы по искусству. Может быть под влиянием Москаленок со временем и мы

собрали неплохую коллекцию таких альбомов. Детям нашим очень нравились праздники, которые мы отмечали часто вместе с Москаленками. Весело и интересно было всем: и детям, и взрослым. Нам очень повезло, что дали нам квартиру в доме университетских работников. Судьба подарила нам прекрасную «среду обитания». Особенно важным это было для детей. Не помню ни одного случая недостойного поведения ни взрослых, ни детей. Летом на дворовой площадке натягивали сетку, играли в волейбол и взрослые, и дети. Зимой заливали каток. Обычно делал это Саша Илларионов, внук проф. Палкина. Атмосфера жизни в нашем доме хорошо описана в двух номерах газеты «Общество» под заголовком «Из прошлого нашего дома». Написал эту статью Саша Шуляковский, сын историка, краеведа Ефима Герцевича Шуляковского.

Работа Ю. Г. в ВГУ (1955–2007)

Итак, с 1955 года Ю. Г. работает в ВГУ на кафедре М. А. Красносельского. Из дневника Ю. Г.: «На его кафедре я углубился как в топологию, так и в небесную механику. Таким образом, мне удалось реализовать юношеские планы, и я имел полную поддержку». За 8 лет работы на кафедре М. А. Красносельского Ю. Г. прочитал студентам все кафедральные курсы. Это очень обогатило его как лектора и педагога. Приводит Ю. Г. слова академика Капицы: «Хороший ученый, когда читает лекцию, учится сам», т. е. ищет наилучший способ изложения материала для данной группы студентов. М. А. хвалил Ю. Г. за умение думать у доски вместе со студентами. С 1963 г. Ю. Г. стал заведующим кафедрой топологии и высшей математики, вскоре переименованной в кафедру алгебры и топологических методов анализа (КАТМА).

Научная и преподавательская работа занимали у Ю. Г., по его словам, 90 % времени. Занимался он математикой и во время отпуска на даче, уединяясь в летней кухне, и во время нашего отдыха в санатории им. Цю-

Ю. Г. Борисович поздравляет М. А. Красносельского с юбилеем

рупы. Попросил, чтобы нас поселили подальше от главного корпуса, от шума, музыки. Даже в санаторий к нам приезжали для занятий математикой, для консультаций его коллеги. Дважды приезжал аспирант Б. М. Швырёв; доц. П. П. Рыбин жил с нами целую неделю, приехав из Сибири.

Бытовая сторона жизни мало интересовала Ю. Г. Да и мы с мамой, учитывая его работу и состояние здоровья, старались не загружать его бытовыми проблемами. Очень не любил Ю. Г. «общаться с деньгами». Никогда не знал размера своей зарплаты, цен на продукты и товары. Когда зарплату переводили на сберкнижку, получала её я по доверенности. Помню, при очередном посещении нами сберкассы для продления доверенности зав. сберкассой Иван Степанович (отец лаборанта нашей кафедры) говорит ему: «И что вы ей доверяете? Она же у Вас транжира. Посмотрите, ничего на счету не остается». Ю. Г. посмеялся и продлил доверенность на очередной трехлетний срок. Когда зарплату стали получать и выдавать сотрудникам лаборанты кафедры, Ю. Г. приносил её, завернутую в бумажечку, и отдавал мне. Просила оставить хоть немного на карманные расходы. Отказывался: «Зачем они мне?». Уговариваю: «Позвоню вот тебе в университет, попрошу по дороге купить хлеб, а у тебя денег нет». Согласится иногда оставить в кармане рублей 100.

С 1963 года у Ю. Г. появились первые аспиранты: В. Ф. Субботин, Петер Менц, А. С. Турбабин. С каждым годом ряды их пополнялись. Всего у Ю. Г. (частично с соруководителями из его учеников) защитили кандидатские диссертации 29 учеников. Впоследствии защитили докторские диссертации 8 человек: Ю. И. Сапронов, В. В. Обуховский, В. Г. Звягин, Ю. Е. Гликлик, Б. Д. Гельман, А. Ю. Борисович, вьетнамец Бонг, алжирец Насретдин Бенкафадар. На кафедре сложился очень дружный и крепкий научный коллектив. Упорная работа приносила плоды. В трудные времена очень поддержали нас победы в научных конкурсах: гранты РФФИ, Университеты России, Сороса, Президентская стипендия для выдающихся ученых и др. Со временем почти все ученики Ю. Г. становились для нас почти родными людьми, друзьями. Мы близко принимали к сердцу все их проблемы как научного, так иногда и семейного плана. Несмотря на колоссальную занятость, Ю. Г. делал всё возможное, чтобы прийти на помощь. И всё это было взаимно.

Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей

Я очень благодарна всем ученикам Ю. Г. за их поддержку в трудные минуты нашей жизни. Они всегда были рядом. В марте 1978 года самолётом из Сухуми в цинковом гробу Ю. Г. привёз своего отца. В аэропорту самолёт встречали ученики Ю. Г., всю подготовительную работу на кладбище и в траурном зале проделали мы с Яшей (Яковом Ароновичем Израилевичем). Спасибо Яше! Я рада, что за полгода до смерти отец Ю. Г. Григорий Петрович погостил у нас. Очень не хотелось ему уезжать. Ю. Г. в это время в очередной раз болел, пиелонефрит. Г. П. помогал мне в уходе за ним, ходил в аптеку за лекарствами. Перед отъездом сказал: «Юрушке повезло, что ему досталась такая золотая Галя. Я никак не думал, что он столько проживет. Я ведь знаю, сколько раз мы забирали его из больницы под расписку». Я ответила, что главная заслуга в этом не моя, а моей мамы. Так это и было в действительности. Тем не менее с пересадки в Ростове Г. П. прислал телеграмму, которая заканчивалась словами: «Гале ещё раз низко кланяюсь». Спасибо Г. П. за такую оценку. После этого визита к нам Г. П. мы с Ю. Г. прожили ещё, слава Богу, 30 лет. Сердечная недостаточность отражалась на работе и других органов. Возникли у Ю. Г. проблемы с почками. Выручил В. Ф. Субботин. Бросив и семью, и работу, повез нас в Эссенуки, где жила его мама Мария Елизаровна. У неё мы жили почти месяц, лечились на водах, а заодно и познакомились со всеми достопримечательностями р-на Минеральных вод. Побывали в Кисловодске, Железноводске, Пятигорске. Посетили место дуэли и могилу моего любимого поэта М. Ю. Лермонтова. Когда в перестроечные годы было очень тяжело в Воронеже с продуктами (талоны, огромные очереди), Петер Менц и его жена Римма периодически пересылали нам с проводниками тяжелые сумки с продуктами. Благо, что тогда ходил беспересадочный вагон Берлин—Воронеж. У всех иногородних учеников мы побывали в гостях на их родине. Интересно провели время в Туле, на родине Вити Звягина. И город осмотрели с его Кремлём и музеями, посетили Ясную Поляну (музей-усадьбу Л. Н. Толстого) и дом-музей художника Поленова.

*Борисовичи в гостях у Звягиных в Туле.
Слева Борисовичи. Справа Звягины,
во главе с А. В. Звягиной*

*Ю. Г. Борисович и А. С. Турбабин на ж.-д. вокзале
Воронежа*

В Пензе, в гостях у Саши Турбабина, жили целую неделю.

И отдохнули хорошо на природе, и посетили лермонтовские Тарханы. Благодаря Рафаэлю Стекольщику, побывали в Кишинёве, отдыхали в Одессе. Были в гостях у брата Юры Сапронова в г. Зеленограде под Москвой. Незабываема наша поездка всей семьей на турбазу в г. Батуми, которую организовал нам Ахмет Бадоев. Общение с его семьей, друзьями (дома, а однажды в ресторане) позволило нам в какой-то мере проникнуть в особенности жизненного уклада грузин, в частности аджарцев. (Кстати, уже тогда мы почувствовали на себе существование разногласий между отдельными национальными меньшинствами Грузии.) Очень интересную экскурсию устроил для нас друг Ахмета, советник юстиции Аран Михайлович. Повезли нас на советско-турецкую границу, на заставу, которая находилась на берегу Чёрного моря. За несколько километров до заставы паспорта у нас отобрали. По прибытии познакомили с начальником заставы, который рассказал нам всякие случаи. Граница проходит по узкой горной речке, впадающей в Чёрное море. Речка проходит через село Сарпи, рассекая его на две части. По разные стороны от реки живут зачастую родственники. Но чтобы навестить друг друга, они должны ехать очень далеко, через г. Ленинкан, ибо только там пропускной пункт. На берегу моря по обе стороны от границы пляжи. По одну сторону загорают и купаются наши, по другую — турки. Наш сын Андрюша, тогда ещё школьник, спросил начальника: «А что если я нырну на этой стороне границы, а вынырну на турецкой?» Начальник улыбнулся, но очень серьезно сказал: «Андрюша, я не советую тебе это делать».

У Менцев в Германии мы гостили 4 раза и подолгу. В последний раз, к сожалению, без Ю. Г., в октябре 2008 г. Со мной был сын мой Андрей, а также некоторое время дочь Андрея Катя со своим другом (теперь мужем, Яном).

Ю. Г. Борисович в Берлине в гостях у Петра и Риммы Менц

Я очень благодарна Менцам, что все 15 дней (сначала 5, потом ещё 10) они были очень внимательны к Андрею, не давали мне сделать ему ни малейшего замечания. Я иногда из-за большого животика просила его поменьше есть и заниматься зарядкой. Римма Менц мне: «Андрей ученый с мировой известностью. Что Вы его все воспитываете» и к Андрею: «У нас тебе, Андрюша, полная свобода. Сколько хочешь ешь, сколько хочешь спи». Андрей очень хорошо у них и позанимался, и отдохнул. Эта поездка очень скрасила последние дни его жизни.

Очень оперативно выручал нас при возникновении трудностей как бытового, так и организационного характера, и выручает сейчас Коля Близняков, помогала часто в преодолении трудностей Оля Кунаковская. В общем, почти каждый ученик Ю. Г. в нужную минуту приходил на помощь. Спасибо всем! Даже и после ухода из жизни Ю. Г. (16 июля 2007 г.) его ученики не оставляют меня по возможности своими заботами и вниманием. Когда умер Ю. Г., приехал из Пензы Саша Турбабин и 1,5 месяца жил в моей квартире. Поддерживал меня морально, помогал по хозяйству. Когда ушёл из жизни (11 декабря 2008 г.) сын Андрей, приехала из Подмосквы, отпросившись с работы, выпускница КАТМА, однокурсница Андрея Альбина Овсянникова (Комарова). Жила со мной целую неделю, буквально ни на минуту не оставляла меня одну, пока дочь Оля не вернулась из Польши с урной. После Альбины снова какое-то время опекал меня Саша Турбабин. С семьей Тани Фоменко (до замужества Щёлоковой) мы почти породнились. Очень дружили с её мамой Александрой Матвеевной, общались.

При очередном переиздании ученика «Введение в топологию» Таня, живя в Москве, брала на себя львиную долю забот и хлопот, связанных с оформлением (перевод, рисунки и пр.). А. Т. Фоменко предоставил для учебника свои рисунки. В трудные дни нашей жизни Фоменки очень поддерживали нас и морально, и материально. Ещё раз спасибо всем!

Мысли Ю. Г. об образовании (из дневника Ю. Г.)

Со школьных лет и всю жизнь Ю. Г. очень много размышлял о смысле жизни, о цели жизни, о полезности образования. Всё это сохранилось в его записках. Хочется привести его мысли об образовании.

Образование. Что даёт (из дневника Ю. Г.)

1. Твёрдую базу для профессии. Без коммерческого риска.
2. Широкий круг общения: контакты с интересными людьми в России и за рубежом.
3. Общение обогащает духовно и профессионально.
4. ...
5. ...
6. Образование родителей — образование детей.
7. Образование — одно из главных богатств жизни. Оно даёт знания и умения, которые делают жизнь человека в определенной степени самостоятельной. Чем более образован человек, тем менее он зависит от внешних обстоятельств.

Воронежские зимние математические школы (ВЗМШ)

Общение с интересными людьми как в профессиональном, так и в культурно-эстетическом плане внесло в нашу жизнь незабываемо яркие страницы. В большой степени этому способствовали ВЗМШ, организатором и душой которых был С. Г. Крейн.

ВЗМШ на турбазе «Коммунальник» под Воронежем.

Слева А. С. и Т. М. Мищенко, В. М. Бухштабер. В центре Ю. Г., Г. Н. и Андрей Борисовичи. Справа П. Менц

В условиях «железного занавеса» в Воронеж для работы в ВЗМШ съезжались математики со всего Союза, как самые крупные, так и начинающая молодёжь. Школы проходили в основном на турбазе «Берёзка» под Рамонью, иногда в других местах (Углянец, Графская), в последнее время в профцентре, вблизи санатория им. Горького. Ю. Г. всегда входил в оргкомитет школы на каких-либо руководящих должностях.

Количество желающих в советские годы всегда превышало количество мест. Жизнь в школах была очень интенсивной. С утра лекции, после них до обеда лыжные прогулки, во второй половине дня семинары. После семинаров, поздно вечером, разные культурные мероприятия: выставка рисунков А. Т. Фоменко, лекции по истории А. Я. Хелемского, диспуты по исторической хронологии (А. Т. Фоменко и А. С. Мищенко — организаторы) и многое другое.

ВЗМШ в профцентре Воронежа. Слева А. Т. Фоменко. В центре аспирантки З. Б. Цалюка и Ю. Г. Борисович. Справа З. Б. Цалюк

Некоторые группировались по комнатам, пили горячий глинтвейн для согрева после лыжных прогулок и продолжали «семинарить» до поздней ночи. В определенные дни спешили в Рамонь, в книжный магазин, чтобы успеть купить какую-нибудь художественную литературу, которая в городе была тогда большим дефицитом. Дни отъезда. Электричка из Рамони в Воронеж приходила рано утром, а поезд на Москву отправлялся вечером. Большинство участников должны были ехать в Москву или через Москву. На улице зима, холодно. Коротали время у своих друзей, воронежских математиков (Петя Кучмет, Е. М. Семёнов и др.). Наша квартира в самом центре Воронежа, до вокзала 20–30 минут пешком. Поэтому у нас собиралась большая компания отъезжающих. Отдыхали, отлучались на время за сувенирами, развлекались по интересам: книги, альбомы по искусству, шахматы и т. д. Однажды, помню, собралось 24 человека, а стол наш вмещает максимум 12 человек.

Пришлось кормить народ в 2 смены. Еду мы с мамой заготавливали заранее, лепили и замораживали в морозилке много пельменей и пр. В дни работы ВЗМШ наша квартира превращалась в «эвакогоспиталь». Сюда эвакуировали иногда заболевших участников. Здесь они лечились, выздоравливали. Помню три таких случая. Приведу один из них. Из Казани (КГУ) приехал в ВЗМШ проф. Борис Лукич Лаптев. В годы нашей учебы в КГУ был он зам. декана, геометр, читал нам лекции по аналитической геометрии, основной биограф и исследователь научного наследия Н. И. Лобачевского. Интеллигент «старого покроя». Заболел Б. Л. на 2-й или 3-й день по прибытии, может быть, простудился в дороге. «Эвакуировали» его вместе со мной к нам, в Воронеж. Ректор нашего института Б. И. Кущев (тоже казанец) каждый день присылал машину, которая отвозила Б. Л. на лечебные процедуры в профилакторий ВТИ. К концу школы Б. Л. был уже в хорошей форме, я проводила его в аэропорт. Совместное пребывание с Б. Л. у нас дома не было для меня тягостным. Б. Л. — всесторонне образованный человек, большой любитель и знаток музыки, литературы, искусства. Общение с ним было для меня очень обогащающим. Остались друзьями до конца его жизни: переписывались, присылал он нам по почте интересные книги, при поездках наших с Ю. Г. в Казань мы всегда приглашались в гости. На стенах у нас до сих пор радуют глаз прекрасные акварели, выполненные его внучкой, профессиональной художницей Машей Даниловой.

Спасибо нашим друзьям математикам

Благодаря общению с математиками в зимних школах и на математических конференциях, куда Ю. Г. обычно брал меня с собой, у нас появилось много друзей и в Москве, и в других городах. Очень подружился мы с семьей Зиновия Борисовича Цалюка из Краснодара (тоже выпускника КГУ); очень интересно провели время у них в гостях во время служебной поездки Ю. Г. в Кубанский университет (председателем ГЭК). З. Б., его жена Зинаида Семеновна и сын Дима (канд. физ.-мат. наук) организовали для нас много интересных экскурсий, а на прощанье вручили ведро черешни из своего сада.

Во время нашего пребывания (то Ю. Г., то моего) на курсах повышения квалификации в МГУ московские друзья не давали нам скучать, приглашали в гости. У некоторых друзей гостили по несколько дней (в семьях А. С. Мищенко, А. Т. Фоменко, Э. С. Раковой (зав. редакцией УМН), Б. Ю. Стернина). Побывали в гостях у А. В. Чернавского, В. Г. Болтянского, А. С. Шварца, П. С. Красильникова и, конечно же, у наших однокурсников из ГАИШ. Прием Ю. Г. Постниковым М. М. и его женой Светланой Эдмундовной Ю. Г. оценил как «королевский».

Весной 1977 года во время моей стажировки в МГУ на кафедре педагогики и психологии акад. Н. Ф. Талызиной жила я в ДАСе (дом аспирантов и стажеров при МГУ). Там же жил тогда и Анатолий Тимофеевич Фоменко. Встречались мы с ним иногда в столовой (может быть, буфете). Однажды он пригласил меня к себе в комнату и устроил демонстрацию своих рисунков и картин: показывал и рассказывал о том, какой смысл он в них вкладывал. А вообще сказал он, что не любит навязывать свое мнение. Считает, что каждый, смотрящий на рисунок, имеет право давать ему собственную интерпретацию, у каждого могут возникнуть свои ассоциации. Я была очень польщена приглашением А. Т. и оказанным мне вниманием. Со временем у нас в семье образовалась приличная коллекция из подаренных нам А. Т. фотокопий с его рисунков. В те времена практиковались соц. соревнования между кафедрами. Среди соц. обязательств было количество лекций, прочитанных среди населения. Много очков набрала я для своей кафедры высшей математики в технологическом институте с лекциями «Математики рисуют», на которых рассказывала с показом о рисунках А. Т. Фоменко и немного о самом авторе, о его исследованиях совместно с А. С. Мищенко и М. М. Постниковым по исторической хронологии. Интерес был большой и на кафедрах, и в студенческих группах, и в вычислительном центре, и даже в книжном магазине, где я была постоянным завсегдатаем.

В этом же 1977 году осенью, 25 ноября, состоялась свадьба А. Т. Фоменко и Тани Щёлоковой (Фоменко), аспирантки Ю. Г., только что защитившей кандидатскую диссертацию в Минске. Торжество проходило в Москве, в ресторане «Гавана». Мы с Ю. Г. были приглашены. Поздравления-пожелания Ю. Г., как всегда, выразил стихами.

А. Т. и Т. Н. Фоменко

Пожелания

*Вы шли путями разными, но боги
Пересекли и спутали пути,
Дай Бог вам счастья и прямой дороги,
И мужества всю до конца пройти!*

*Апокалипсиса распутав предсказанья,
Отобразить на числовую ось весь мир.
Пусть не оставят вас порывы и дерзанья,
И математика и музы — ваш кумир!*

*Пусть будет ваша жизнь озарена
Сверканием созвездий Зодиака,
Сиянием таинственного знака
Из глубины небесного окна!*

25.XI-77 Борисовичи

Черновик этого стихотворения–посвящения я нашла недавно в бумагах Ю. Г., показала его Фоменкам. Тане очень захотелось поместить этот черновик в свои воспоминания в первоизданном виде, с правками и вариантами, сделанными рукой Ю. Г. Что она и сделала!

Квартира А.Т. и Т.Н. Фоменок стала для нас ещё одним надёжным пристанищем в Москве. Очень выручило оно нас в 1988 году, когда Ю. Г. с 1 по 10 апреля находился в научной командировке в Китае. Всё это

Бракосочетание А. Т. Фоменко и Т. Н. Щёлоковой

время, по любезному приглашению Тани Фоменко, жила я у них в Карачарово под Москвой. Благодаря такому счастливому обстоятельству, я смогла и проводить Ю. Г. в аэропорт, и встретить его на обратном пути из Китая, приятно пообщаться с Таней (А. Т. в это время тоже был в отъезде), навестить своих друзей-однокурсников из ГАИШ, побродить по Москве, посетить некоторые музеи. Всё было отлично! Спасибо Тане!

Когда кто-то из членов нашей семьи ехал куда-то с пересадкой в Москве, московские друзья в случае необходимости очень нас выручали. Помню, как-то зимой моя уже старенькая мама поехала к себе на родину в Казань через Москву.

Альберт Соломонович Шварц жил тогда с семьей в студгородке МИФИ, очень далеко от вокзалов. Было очень холодно. Тем не менее А. С. встретил маму на Павелецком вокзале, отвез к себе домой для отдыха, а вечером проводил на Казанский вокзал. И это был не единственный случай, когда А. С. и его мама Мария Авелевна (канд. мед. наук) выручали нас в трудных ситуациях. Несколько дней гостила я в Москве у Эллы Сергеевны Раковой, тогда зав. редакцией УМН.

Редко встретишь человека более доброжелательного, чуткого, благородного. Деловые контакты с ней были всегда легкими и плодотворными, но не в ущерб принципиальности. Спасибо Элле Сергеевне за её доброту!

В последние годы на пересадках в Москве мы много раз пользовались гостеприимством Павла Сергеевича Красильникова, у которого Ю. Г. был в свое время оппонентом по докторской диссертации. Сейчас П. С. заведует кафедрой в МАИ, много лет был деканом. Благодаря Павлу Сергеевичу, Ю. Г. посчастливилось ещё раз погрузиться в мир своей юношеской мечты, в небесную механику. В Великих Луках раз в три года проводилась международная конференция по небесной механике, организаторы — МАИ и МГУ, спонсор — президент холдинга ЭЛВО Борис Николаевич Каракаев. В 1966 году были приглашены на эту конференцию мы с Ю. Г., Ю. И. Сапронов (ученик Ю. Г., ныне доктор наук, профессор) и аспирантка Ю. Г. Таня Сапронова. Почти все расходы взял на себя оргкомитет. Ю. Г. с большим удовольствием слушал и конспектировал многие доклады, сам сделал доклад. Культурная программа конференции была просто сказочной, такого не было нигде.

«Товарищеский ужин» в одной из ВЗМШ. Слева направо: Г. Н. и Ю. Г. Борисовичи, Э. С. Ракова, З. С. Цалюк

Многочисленные экскурсии (Пушкинские места, дом–усадьба Корвин–Круковских (Софьи Ковалевской), дом–музей акад. Виноградова, фарфоровый завод), ночная рыбалка, костры с шашлыками и музыкой, ежедневно сауна, русская баня, катание на лодке по озеру. Кормили до отвала. На завтрак «шведский стол», на ужин фуршеты. Всегда огромный выбор блюд. На прощанье концерт с цыганским ансамблем, шикарный банкет, всем участникам вручены в подарок красивые фарфоровые чайники, на дорогу раздали всем пакеты с продуктами. И это далеко не всё из того, что напридумывали члены оргкомитета (среди них П. С. Красильников) и, главное, спонсоры. Через три года Ю. Г., я и Ю. И. Сапронов снова были приглашены на эту конференцию, но она по времени совпала с Общеевропейским математическим конгрессом в Берлине. Ю. И. выбрал Великие Луки, а Ю. Г. и я поехали на конгресс. Поездку Ю. Г. оплатил Д. Сорос (как и всех советских участников), мою поездку оплатил Петер Менц. А в Великих Луках в этом году было даже катание на воздушных шарах.

*Экскурсия на конференции в г. Великие Луки. У домика няни Пушкина.
Слева направо: М. А. и П. С. Красильниковы, Г. Н. Борисович, Т. Ю. Сапронова, Ю. Г. Борисович*

Образование родителей — образование детей

В этом плане мы очень старались. Большую роль в воспитании наших детей играла моя мама, Екатерина Евгеньевна. Благодаря ей дети всегда были вовремя накормлены, вовремя присмотрены, умело внушаемы. Мы старались привить им любовь к чтению, музыке, спорту (книги, пластинки, фигурное катание (Оле), шахматы (Андрею), лыжи...). Дети нас не подвели. И Оля, и Андрей хорошо учились, достойно себя вели. Олина учительница начальных классов Мария Кузьминична сказала как-то (не мне, а другим родителям), что таких учеников, как Оля, у неё не было, нет и не будет. Про Андрея его первая учительница (заслуженная) Лидия Ивановна на родительском собрании, характеризуя каждого ученика в отдельности (так тогда было принято) про сына нашего сказала: «Андрюша Борисович — самая светлая головка в классе, если попрошу учеников придумать задачу на какую-нибудь тему, Андрюша такую придумает, что хоть помещай её сразу в задачник». Андрей закончил матфак ВГУ с отличием, в своём выпуске был по баллам на втором месте (после Саши Косых, тоже

**На Общевропейском математическом конгрессе:
А. Ю. Борисович, П. Менц, Г. Н. Борисович, Ю. Г. Борисович**

менко: беседы, консультации, обсуждение результатов, помощь в своевременной публикации результатов сыграли важную роль. В автореферате Андрея по кандидатской диссертации из четырех ссылок на использованную литературу три первые на работы А. Т. Фоменко. А. Т. был оппонентом по кандидатской диссертации Андрея и рецензентом (так в Польше называется оппонент) по докторской. Я очень рада, что при последнем возвращении Андрея из Воронежа в Гданьск при пересадке в Москве мы с ним в очередной раз воспользовались гостеприимством Фоменок (Таня, к сожалению, была на работе) и Андрею посчастливилось ещё раз побеседовать с А. Т. на математические темы. А. Т. успел и покормить нас дважды. **Спасибо Анатолию Тимофеевичу!**

Докторскую диссертацию Андрей защищал в 1998 году в Польше, в самом главном Совете при Академии наук, в Варшаве. При успешной защите в этом Совете не требуется утверждение ВАКа, т. к. все члены ВАКа входят в состав этого Совета. Защита очень серьезная, в 3 этапа: обсуждение результатов диссертации, экзамен по математике (любые вопросы из зала), лекция на тему, не связанную с темой диссертации (соискатель должен предложить 3 темы, Совет выбирает одну). Из предложенных Андреем тем выбрали «Применение математики в архитектуре». Оппонентами (рецензентами) были проф. Гемба и доктор наук Золадек из Польши, проф. Фоменко из России и проф. Тромба из США. Защита прошла очень успешно. Проф. Гемба, много лет до этого бывший членом Совета, при встрече сказал Ю. Г., что впервые он присутствовал при таком единодушном голосовании. Мы с Ю. Г. очень благодарны были проф. Гембе, ибо именно он решительно посоветовал Андрею защищать докторскую диссертацию после того, как Андрей, приблизительно на 8–10 занятиях его семинара рассказал свои результаты. Занятия наукой были для Андрея праздником души. Но к тому же он был

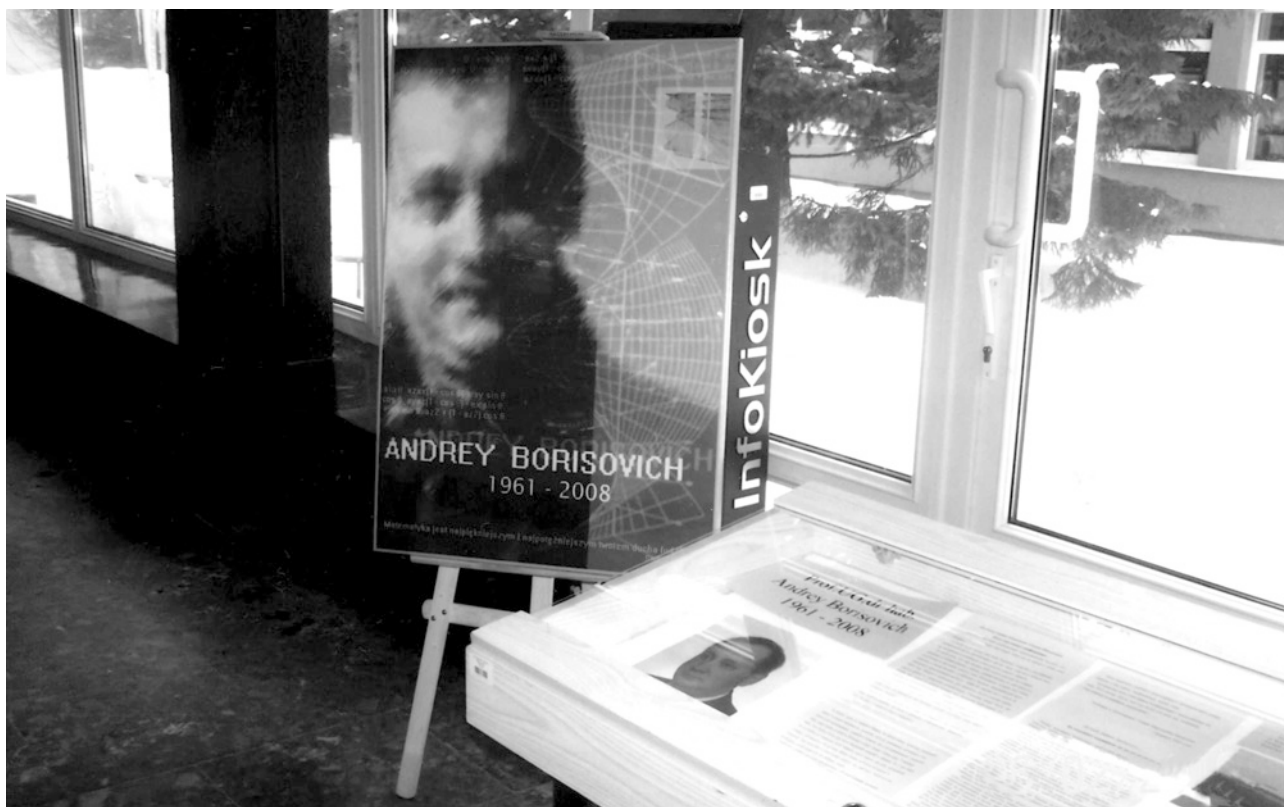
выпускника КАТМА), но в аспирантуру его не оставили из-за семейственности. Кандидатскую диссертацию делал за счет бессонных ночей, совмещая работу над ней с большой нагрузкой в ВИСИ (Воронежский инженерно-строительный институт). Задачу ему поставил Ю. Г., официальным руководителем был проф. А. И. Перов, фактическим куратором был ученик Ю. Г. Виктор Григорьевич Звягин. В основном в своей работе Андрей был предельно самостоятельным. Жил он тогда в квартире своей первой жены Оли. После очередной бессонной ночи зайдет иногда утром перед работой к нам. Открываю дверь. Под глазами черные круги, а глаза блестят. «Мама, как здорово у меня получается». Защищал диссертацию Андрей в 1988 году не в ВГУ, а в Донецке, в НИИ прикладной математики и механики Академии наук УССР (опять из-за семейственности). На защиту ездили мы с ним вдвоём. Председатель Совета академик И. В. Скрыпник сказал после выступления Андрея: «Мы присутствуем сегодня на защите, безусловно, необыкновенной диссертации». А по телефону Скрыпник сказал Ю. Г., что Андрей должен быстрее форсировать защиту докторской диссертации.

Становлению Андрея как математика очень способствовало его общение с А. Т. Фо-

очень ответственным человеком и в семейном плане, и в преподавательской работе. Очень много внимания уделял он семье, детям, Кате и Андрею, студентам. Сил на всё не хватило, и 11 декабря 2008 года его не стало, в возрасте всего 47 лет.

*Г. Н. и Ю. Г. Борисовичи (в центре) в Польше у родных.
Слева невестка Ирина Борисович, справа внук Андрик Борисович*

Стенд на конференции памяти А. Ю. Борисовича в Гданьском университете

Математики Гданьского университета написали в некрологе: «Выдающийся ученый, великолепный педагог, незабвенный коллега, человек с огромным сердцем и умом, работавший заместителем директора Института математики, зав. кафедрой прикладной математики и теории вероятностей». В последний путь проводили очень торжественно. Я очень благодарна за всё его коллегам, студентам, друзьям. В начале февраля 2010 года в Гданьском университете состоялась научная конференция, посвященная памяти нашего сына, с выставкой фотографий и документов, отражающих его жизненный путь. Из России были приглашены Обуховский, Гельман, Стенюхин, Тужилин (МГУ). От себя хочу только добавить, что Андрей был замечательным сыном и внуком. Ни родителям, ни бабушке никогда не сказал ни одного обидного слова, ни одного упрека. Очень любил свою сестру. Всегда и везде старался всем помочь.

P.S. Кстати, в ВИСИ у него набежал 21 год стажа. Отчислили только в 2003 году. Ждали и надеялись, что вернется. Значит, любили и ценили.

Дочь Оля очень хорошо училась и в школе, и на матфаке ВГУ. Учась в школе, была победителем в городской олимпиаде по английскому языку. Одержала победу в литературном конкурсе и городского, и областного масштаба. От папы унаследовала она поэтический дар, очень любила сочинять стихи с раннего детства. Учась в ВГУ, стала в 1975–1976 году лауреатом в конкурсе молодых поэтов. Жюри было, конечно, всё филологическое, а 1-е место присудили Оле, математику. Получила Диплом 1-й степени, денежную премию, сидела в президиуме рядом с приехавшим из Москвы поэтом Анатолием Жигулиным. Председатель жюри Л. Е. Кройчик сказал Ю. Г., что в Оле есть искра Божья, и что если быт не заест, будет писать. Но быт заел. Раннее замужество, двое детей (Марина и Саша), многочисленные семейные проблемы полностью её поглотили. В силу обстоятельств пришлось ей часто менять работу. Работала даже в ясли-саде воспитательницей, и по совместительству уборщицей. Устроилась на эту работу ради того, чтобы обоим её малолетних детей зачислили в это учреждение. Прошла и через ФЗО, и через школу. В конце концов стала старшим преподавателем в ВГТА (Воронежская государственная технологическая академия) на кафедре высшей математики. Активно занимается педагогикой, подготовила кандидатскую диссертацию, но защищать не стала из некоторых принципиальных соображений. Стихи пишет, но не так часто, как хотелось бы. 8 стихов О. Борисович были опубликованы в двухтомной «Антологии поэзии ВГУ», вышедшей в 2008 году. Ранее опубликованы её стихи в сборнике «Университетская муза» и в нескольких газетах ВГУ.

И Оля, и Андрей унаследовали, наверное, от родителей (извините за нескромность!) педагогические способности. Их рейтинг у студентов всегда был очень высоким.

P.S. Надо сказать, что с воспитанием Оли (как, наверное, почти все с первым ребенком) мы переборщили, слишком много от неё хотели. По её словам, Оля боялась приходить домой с четвёркой.

Андрей же рос, по моему выражению, как чертополох. Помню, как-то то ли в 1-м, то ли во 2-м классе пришёл из школы сияющий: «Мама, — сказал он с порога, — у меня теперь все оценки есть, я сегодня двойку получил!».

Удар на себя

Увлечённость наукой и отрешённость от бытовых сторон жизни не мешали Ю. Г. оставаться очень чутким и отзывчивым человеком. Если он осознавал, что кто-то нуждается в помощи (родные ли, ученики, друзья), он делал всё возможное, чтоб помочь, остановить его на этом пути было невозможно. В трудных ситуациях удар всегда брал на себя. Так было и в случае переезда нашего в квартиру № 4, и в случае с похоронами отца, и во многих других. Приведу два случая. Ю. Г. должен был выступать оппонентом по докторской диссертации грузинского математика Георгия Химшиашвили. Защита в Тбилиси. Пока Ю. Г. доехал до Москвы, в Тбилиси произошёл путч. На площади танки, на улицах стрельба. Ю. Г. звонит из Москвы мне: лететь или не лететь? Московский оппонент на защиту не полетит. Если и Ю. Г. не полетит, защита сорвется. Решили: надо лететь.

Самолёт посадили на военном аэродроме, встречали в милицейской машине, отвезли не в гостиницу, как предполагалось, а домой к диссертанту. На улице всю ночь стреляли. Грузинские математики и рады были, и удивлялись. Спрашивали Ю. Г., что подвигло его на такой риск. Защита состоялась и прошла успешно. При встрече в Польше с нашим сыном Андреем, Георгий сказал ему, что прибытие Ю. Г. на его защиту хранится в памяти его семьи как легенда.

Последнее оппоненство Ю. Г. было по докторской диссертации Васи Пуляева, выпускника КАТМА, аспиранта З. Б. Цалюка в Кубанском университете. Под руководством З. Б. Вася защитил кандидатскую диссертацию и работал в том же университете. По просьбе Васи Ю. Г. согласился быть оппонентом по его докторской диссертации, защита которой была назначена в Петербургском университете, в Учёном Совете под председательством В. И. Плисса. К моменту защиты у Ю. Г. возникли проблемы со здоровьем. Он решил ограничиться только отзывом (одному из оппонентов это разрешено). Но оказалось, что один из оппонентов с самого начала согласился только на отзыв. Опять проблема. Не ехать — значит сорвать защиту. Посоветовались с Пуляевыми (Васей и его женой Олей). Решили, что Ю. Г. поедет только в сопровождении жены Г. Н. Хорошо, что был тогда прямой поезд Воронеж—Петербург. Путешествие оказалось грустным. Из вагона в Питере Ю. Г. вышел «совершенно зелёным» (как сказала Оля Пуляева при встрече), идти не мог. Довезли Ю. Г. до такси на тележке носильщика, а затем на такси до гостиницы. Температура 39,5. Поздний вечер. Бегали с Олей по городу, отыскивая дежурную аптеку. Температуру к утру сбили до 37,5. Вася доложил ситуацию В. И. Плиссу. Тот сказал: «Хоть на носилках принесём, но защиту отменять не будем». На другой день один из сотрудников отвёз нас на своей машине в Петергоф, куда был переведён (к неудовольствию большинства сотрудников) университет из центра города. Защита прошла успешно, диссертация была очень хорошей. К сожалению, Василий Федорович Пуляев ушёл из жизни чуть раньше Ю. Г., 2 июля 2007 года. Сгорел на работе. Уснул дома вечером, а утром не проснулся. Вечная ему память!

*На защите докторской диссертации В. Ф. Пуляева в Санкт-Петербурге.
Слева оппонент Ю. Г. Борисович. Справа супруги В. Ф. и О. И. Пуляевы*

Наша дача

В 1977 году мы купили дачу за 950 руб. в селе Енино Верхнехавского р-на. Дом очень старый, зато природа прекрасная: впереди за огородами р. Усманка, позади — чудесный сосновый бор. Теперь мы каждое лето стали отдыхать не на съёмной даче, а на собственной. Жили в основном со своими внуками и с кем-нибудь из их родителей. Иногда гостили у нас друзья или родственники. Мы с Ю. Г. старались, чтобы отдых был полезным как в физическом, так и в духовном плане. После купаний, гуляний, игры в бадминтон, катания на велосипедах и конях (хобби внучки Кати) собирались вечером у мангала (костра), жарили шашлыки, играли в разные игры: пятнадцать вопросов и ответов, ситуации, викторины, города, разгадывание кроссвордов, пение под гитару. Помню прекрасный вечер, когда гостившая у нас Ведерникова Людмила Ивановна (её сын Серёжа был тоже) весь вечер радовала нас исполнением без музыкального сопровождения огромного количества классических романсов. С наступлением темноты, если ночь была ясной и звёздной, Ю. Г. приглашал всех полюбоваться звёздным небом, посмотреть через телескоп на луну, планеты, туманности. В первые же годы нашего обитания на даче Ю. Г. со своими друзьями смастерили два телескопа. 1-й телескоп-рефрактор (т. е. линзовый) изготовили Ю. Г. и наш друг — однокурсник А. М. Казбан. 2-й телескоп-рефлектор (т. е. зеркальный) смастерили Ю. Г. и А. С. Мищенко, когда Мищенко гостили у нас на даче. Ю. Г. и Александр Сергеевич Мищенко так были увлечены строительством рефлектора (дети прозвали его потом «бревноскопом»), что ослабили свое внимание к окружающим. По этому поводу школьница Варя Мищенко выразила свою обиду стихами, посвященными папе Саше:

*Бревноскоп построил он,
Видит в нем дальний Плутон,
Только нас не замечает,
Хотя рядом мы живём.*

Ю. Г. Борисович наблюдает небо в телескоп («бревноскоп»)

На даче Борисовичей под Воронежем. Справа автор стиха о «бревноскопе» Варя Мищенко

Кстати, в заведённой Ю. Г. книге «Мангальская дача» Варя оставила нам на память много карикатур на всех взрослых обитателей дачи. Телескопы пользовались успехом у обитателей нашего села. Многие дети и взрослые приходили посмотреть через них на небо, познакомиться с помощью Ю. Г. и Г. Н. с некоторыми созвездиями, планетами, туманностями. Сам Ю. Г. мог смотреть на небо до бесконечности. Бывало часто, зовёт меня: «Иди скорей, посмотри, какая красивая сегодня луна (или Венера, или Сатурн...). Г. Н.: «Да уж видела я её сто раз». Ю. Г.: «Сегодня она необыкновенно красивая!».

В сентябре 2000 года возводили мы забор вокруг дома. Главным организатором и строителем был наш друг Владимир Ильич Затонский, муж нашего любимого домашнего доктора Инги Георгиевны. Помогали в строительстве все: Оля, Г. Н., внук Саша. Ю. Г., по его выражению, был наблюдателем и корректором. К концу строительства выдал нам длинный стих «Баллада о зелёном заборе». Приведу три первых четверостишия из десяти:

*Среди лесов, среди полей,
Вдоль Усманки, реки голубки,
Стоят дворцы учителей
И бизнесменские халупки.*

*Места пленительно прекрасны:
Здесь воздух чист и ясен ум,
Грибы здесь даже не опасны
И много пробегает дум...*

*Для дум высоких, а не низких
Трудились все, кто сколько мог.
Хвала друзьям, родным и близким,
Создавшим этот уголок!*

Во всякое мероприятие дома, на даче, на прогулке — везде, где это уместно, Ю. Г. вносил во всё своё творческое начало, сопровождаемое часто стихами. Это была форма самовыражения, а не просто стихи по случаю. Так как они были искренними и добрыми, способствовали хорошему настроению. Настоящую поэзию Ю. Г. очень любил, и эту любовь передал своим детям. До самого последнего дня его пребывания дома рядом с его постелью на табурете лежала стопка поэтических сборников: Блок, Волошин, Брюсов, Цветаева и др. Перед сном он обязательно читал мне вслух любимые стихи из какого-нибудь поэтического сборника.

Казанское землячество в Воронеже

Мы первыми из казанцев, физматовцев, переехали в 1955 году в Воронеж. Через год или два сюда прибыли на ПМЖ наши друзья из Казани Киприяновы. Затем переселился в Воронеж с семьёй наш однокурсник, механик Анатолий Максимович Казбан, затем Екатерина Филипповна Козырева, физик, окончившая КГУ на год раньше нас, затем Борис Иванович Кущев. Он и его жена Нина Фёдоровна Неклюдова, оба и выпускники, и сотрудники КГУ. Б. И. читал нам, астрономам, лекции по теории функций комплексного переменного. В Воронеже он много лет был ректором ВТИ, заведует и сейчас кафедрой теоретической механики, на которой, кстати, работал и А. М. Казбан. Мы все поддерживали дружеские отношения. Особенно тесными они были (в силу общих математических интересов) с семьёй Ивана Александровича Киприянова. Работал сначала И. А. в Лесотехническом институте на кафедре С. Г. Крейна. Квартире Киприяновым дали в районе института, недалеко от дома отдыха им. Горького, у самого леса. У них мы часто отдыхали в выходные дни, гуляли по лесу, летом купались в р. Воронеж, зимой катались на санках и лыжах. После вкусного обеда, приготовленного заранее Марией Алексеевной, отдохнув, ехали вечером в город, в кинотеатр или театр. Запомнился мне один такой поход в к/т Спартак. Перед выходом М. А. подкрасила себе губы и мне предложила. Я тоже подкрасила. Это было впервые в моей жизни. Ю. Г. заметил это только тогда, когда мы стояли в очереди в кассу за билетами; отвёл меня за угол дома и потребовал, чтоб я немедленно стёрла «эту краску». Я вообще не «настоящая женщина», никогда не было у меня дорогих украшений, не пользовалась косметикой. Всё это было мне безразлично. Виноват в этом был, наверное, мой муж, не стимулировал он меня на такие «подвиги».

И. А. Киприянов через несколько лет стал заведовать кафедрой высшей математики в ВТИ. На этой кафедре оказалась и я в качестве ассистента. Это было результатом настойчивого убеждения и в итоге некоторого доброго «розыгрыша» со стороны И. А. Где-то в конце июля 1962 года И. А. и М. А. Киприяновы приехали к нам на дачу в Графскую. И. А. заявил, что с 1 сентября я зачислена в ВТИ. Я пришла в ужас, считала

*Друзья со времён обучения в аспирантуре в Казани
И. А. Киприянов и Ю. Г. Борисович*

себя не готовой к этому. За 9 лет работы в школе многое подзабыла, тем более что в те времена в школе элементы высшей математики не преподавались. Я стала решительно отказываться. И. А. сказал, что пути назад нет, документы уже сданы в приказ. Это была, конечно, шутка. Мне же тогда и в голову не пришло спорить: какие документы и откуда? Поверила. С отдыхом моим было покончено. Обложила я учебниками, а спустя некоторое время в течение двух лет совмещала работу в ВТИ с посещением лекций в ВГУ. Училась ещё раз вместе со студентами матфака. Проработала в ВТИ около 25 лет. Думаю, что И. А. я не подвела. Очень старалась. Много у меня всяких наград, благодарностей и грамот и медаль «Ветеран труда». Через несколько лет И. А. перешёл на работу в ВГУ, как и Ю. Г. стал заслуженным деятелем науки. Ушёл из жизни немного раньше Ю. Г., но в таком же возрасте.

Моя двухлетняя учеба на матфаке ВГУ

В ВГУ вместе со студентами 1-го, а потом 2-го курсов слушала я лекции по матанализу В.В. Покорного, по аналитической геометрии В. А. Тихонова и по алгебре Ю. Г. Борисовича. Оказалась я в потоке с будущими учениками Ю. Г.: Колей Близняковым, Таней Щёлоковой (Фоменко), Витей Звягиным, Юрой Гликлихом, Васей Пуляевым. Тогда мы ещё не были знакомы. На лекциях по алгебре я всегда сидела рядом с Димой Романовым. Конечно, мы с ним как-то общались, беседовали. Дома я делилась с Ю. Г. своими впечатлениями, рассказывала и про моего соседа по «парте» Диму Романова. Однажды на лекции (а сидели мы довольно далеко) Ю. Г. задал вопрос аудитории и после некоторой паузы, устремив на нас взор, спросил: «А что думает об этом Дима Романов?». Дима встал и так растерялся, что не мог произнести ни слова. «Ну, хорошо, — сказал Ю. Г., — садитесь». Дима сел и с ужасом произнес: «Откуда он меня знает? Всё, теперь я пропал. На экзамене он мне задаст». «До экзамена он всё забудет», — сказала я. «Такие не забывают», — сказал Дима. Экзамен прошёл успешно. Много позже, когда мои посещения лекций были позади, мы с Димой случайно встретились на ул. Пушкинской. Разговорились. По какому-то поводу я сослалась на мнение Ю. Г. «А откуда Вы это знаете?» — спросил Дима. «Так ведь он мой муж», — сказала я. Дима схватился за голову. А ещё через несколько лет мы с ним танцевали на свадьбе Коли Близняка, куда он приехал по приглашению Коли из другого города, где работал по распределению. Думаю, что в те годы никто из студентов не придавал значения моему присутствию на лекциях. Думали, может быть, что я студентка-заочница.

P.S. Так как занималась я прилежно, то полученные (вернее восстановленные) знания очень помогли мне в моей преподавательской работе.

Зарубежные поездки. Общественная работа

Большое значение придавал мой муж контактам с научными центрами и вузами как своей страны, так и других стран. Очень плодотворными были его научные поездки (по приглашению) в Болгарию (1981, 1986), Китай (1988), Польшу (с 1989 года, неоднократно), Грецию (1990 (WSNA), 1996), Канаду (1995), Германию (1998 ISM 98). В разные годы из зарубежных стран приезжали на кафедру в аспирантуру или на стажировку молодые ученые (Германия, Польша, Вьетнам, Алжир и др.). Все города РСФСР и союзных республик (ныне стран СНГ), в научных конференциях которых принимал участие Ю. Г., трудно перечислить. С удовольствием Ю. Г. занимался и общественной работой, если считал её полезной для науки, студентов, факультета. Несколько лет руководил студенческим научным обществом (СНО) матфака. В последние годы был председателем (совместно с Ю. Н. Малашенко) философского семинара матфака. Ю. Г. — создатель и главный редактор серии межвузовских сборников «Новое в глобальном анализе» (совместно с Ю. Е. Гликлихом). Одиннадцать сборников этой серии переведены на английский язык и переизданы издательством «Шпрингер-Ферлаг». Был Ю. Г. членом нескольких редколлегий; за многолетнюю активную работу в редколлегии журнала «Известия вузов. Математика», издаваемом в КГУ, заслужил две почётные грамоты.

Ю. Г. Борисович в Канаде на озере Онтарио

На заседании редколлегии журнала «Известия вузов. Математика». Сидят: Ю. Г. Борисович и зав. редакцией Т. Н. Земцева. Слева от Т. Н. Земцовой главный редактор Я. И. Заботин

Очень радовался Ю. Г. международному признанию учебника по топологии, написанного им совместно с его учениками Н. М. Близняковым, Я. А. Израилевичем, Т. Н. Фоменко (Щёлоковой). Учебник издавался дважды на русском языке, дважды на английском, один раз на китайском. Последнее издание на английском языке выпущено в издательстве «Клувер» в 1995 году.

Благодарю!

Мой муж ушёл из жизни в возрасте 77 лет. 52 года из них он посвятил работе в ВГУ. Работу свою любил, вкладывал в неё всю душу. День его смерти, 16 июля 2007 года, пришёлся на время летних отпусков. Многие коллеги и друзья были в отъезде, на отдыхе. Но и отсутствующие воронежцы, и друзья, и ученики из других городов и стран сразу откликнулись на постигшее нас горе. Пришло много телеграмм со словами соболезнования. Я храню их, иногда перечитываю. Очень благодарна всем и за произнесённые, и за написанные слова в память о моём муже. Уверена, что слова были искренними. Очень тронуло нас (меня, дочь Олю, сына Андрея) присланное на домашний адрес письмо ректора ВГУ, Владимира Тихоновича Титова, очень тёплое и совсем не официальное. Своему мужу я очень благодарна за любовь и поэзию, которые он внёс в нашу совместную жизнь. 54 года, проведённые вместе, были не только очень содержательными и интересными, но и лирически возвышенными. Мне было очень приятно до последних дней оставаться его поэтической музой. Приведу ещё три стихотворения Ю. Г., посвящённые мне. В двух последних он подводит итог нашей совместной жизни, даёт оценку пройденного пути.

Мы две звезды на высоте небесной

А. Фет

*Клёна жёлтые листья
Ветер рассыпал небрежно,
Я веду тебя бережно
Под руку в парке осеннем.*

*Ловим дыхание неба,
Звёздный блеск безмятежный,
Слушаем ветра напевы,
Шелест листьев желтеющих.*

*Нас не печалит осень.
Нам не грозят расставанья.
С песней весенней в сердце
Я прихожу на свиданья!*

(Цикл: жене! 21.02.94 Юра)

Галине

*Этой ночью всполохи сознанья
Разбудили памяти следы:
Наша юность, блеск очарованья
И судьбы торосистые льды.*

*Удивительно, и даже непонятно,
Как со мною ты прошла пути,
На которых было всё невнятно,
Всё проблемно, как ни вороти!*

*Как Галлеева комета перемененно
Вновь приходит на круги своя,
Так и я, взрослея, неизменно
Убеждался — ты звезда моя!*

*Ты мой ангел, шлю тебе признание!
Свет твоих очей горит во мгле,
Окружающего землю мироздания,
Освещая путь мой на земле.*

*(газета «Воронежский университет,
от 25 марта 1995 г. День поэзии ВГУ)*

Моему ангелу–хранителю Галине

Счастье с тобой

*Идём за надеждою вслед
С поднятой ввысь головой.
Ведь счастье не там, где нас нет,
А там, где мы рядом с тобой.*

*В окно оно к нам не влетит
Красивой и яркой жар–птицей,
Но вплавлены в жизненный быт
Его золотые частицы!*

*(Последнее. Приклеенное к стене липучками.
Июнь–июль 2007 г.)*

Я очень благодарна нашим друзьям Казбанам за то, что их сын врач Виталий и его жена медсестра Наташа организовали для меня возможность посещать мужа в реанимации. Я смогла поухаживать за мужем, побеседовать с ним буквально за день до его смерти, попросить прощенье. «Прости меня, если я что-то не так делала», — сказала я. «Ты всё делала правильно. Поцелуй меня», — попросил он. Затем он сказал: «Я благодарен здесь всем, кто меня выхаживает». Это были последние слова, которые я от него слышала.

В заключение мне хочется выразить чувство глубокого уважения и благодарности тем ученикам Ю. Г. и выпускникам КАТМА, которые несмотря на все трудности перестроечного времени остались верны своему призванию и плодотворно служили и служат на ниве науки и образования, готовили и готовят новые кадры для ВГУ, Воронежа, России и других стран.

В первую очередь необходимо отдать дань памяти безвременно ушедшим от нас, буквально сгоревшим на работе доц. В. Ф. Субботину, проф. А. Ю. Борисовичу, проф. В. Ф. Пуляеву, доц. В. Т. Дмитриенко, преп. В. Н. Штеренгас. Вечная им память!

В настоящее время успешно работают в ВГУ на кафедре КАТМА:

проф. В. Г. Звягин — зав. кафедрой, директор НИИ математики ВГУ;

доц. Н. М. Близняков — начальник управления научно-исследовательских работ ВГУ, отличный лектор (по мнению Ю. Г.);

проф. В. В. Обуховский — по совместительству зав. кафедрой в ВГПУ;

проф. Ю. Е. Гликлих;

преподаватели О. В. Кунаковская, Н. Н. Удоденко.

На других кафедрах ВГУ трудятся:

проф. Ю. И. Сапронов (КММ) — у него более 20 учеников, канд. физ.-мат. наук;

д-р физ.-мат. наук, доц. Б. Д. Гельман (кафедра теории функций и геометрии);

доц. Я. А. Израилевич (КМА);
 доц. Т. Ю. Сапронова (КФА);
 доц. Н. М. Ратинер (физфак).

В вузах и школах Воронежа:

доц. В. Р. Зачепа и доц. Ю. Я. Исаенко — в ВГПУ;
 ст. преп. О. Ю. Борисович, О. В. Осинцева (Гурьева) — ВГТА;
 доц. Л. В. Стенюхин — зам. декана по учебной работе ВГАСУ; преподаёт математику в школе Л. Н. Фомина (Дьягольченко).

В России:

доц. Т. Н. Фоменко (Щёлокова) (МГУ);
 доц. А. С. Турбабин (полит. ин-т, Пенза);
 доц. М. Н. Крейн (Липецкий педуниверситет);
 проф. В. А. Соболев (зав. кафедрой в университете г. Самары);
 преподаватель вуза А. В. Косых в Старом Осколе;
 математик–программист А. Комарова (Овсянникова) — в Старомосковске.

В зарубежье:

проф. Петер Менц — много лет заведовал кафедрой математики в Берлине, в университете им. Гумбольдта (на этой кафедре работал в свое время великий математик Вейерштрасс);
 проф. Бенкафадар Насретдин — директор Института математики в Алжире (г. Константин);
 д-р физ.-мат. наук Бонг — во Вьетнаме;
 канд. физ.-мат. наук Рафаэль Стекольщик — в Израиле;
 М. Шпильберг и А. Березовский — в Англии;
 П. Шерман и Т. Портная — в США;
 В. Ливина (Бегизардова) — во Франции.

Это только те, о ком я знаю. С большинством из них поддерживаю связь (личное общение, встречи, письма, телефон). Радуюсь их успехам!

От души желаю, чтоб успех и удача сопутствовали им везде, всегда и во всём! И главное, чтоб все были здоровы!

Юрий БОРИСОВИЧ

МАТЕМАТИКИ

*Мы — вечные скитальцы
 Во тьме мирских забот
 И вовсе не умельцы —
 Иной в нас дух живет!*

*Мы — дети теософий,
 Узда наш путь прямит,
 Сплетенная из сотен
 Рассчитанных орбит.*

*Наградой нам присвоено —
 Признание лишь одно!
 А если есть пробоина,
 Тотчас идем на дно!*

*Но держим стяг на рее,
 Под ядрами стоя.
 И, поклоняясь вере, —
 Не рубим якоря!*

Ю. Г. Борисович за работой в своём кабинете